

Н.К. ИКОННИКОВА

СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Постановка проблемы

Анализ коммуникативных взаимодействий – межкультурной коммуникации представителей разных культур, легальных и нелегальных организационных коммуникаций, коммуникаций представителей неких общин (религиозных, мигрантских) с сообществом в том числе по каналам институциональной и массовой коммуникации – выявляет как специфику каждой ситуации, так и предъявляет требования к выработке некоторой общей модели, демонстрируя определенное структурное и динамическое сходство. Основные исследовательские вопросы, которые встают для меня в каждом случае как нуждающиеся в теоретическом осмыслении, а не только эмпирическом описании, следующие:

– в чем состоит собственно коммуникативное качество рассматриваемых взаимодействий, а что в них коммуникацией не является?

– должны ли эти взаимодействия описываться как культурные или социальные, или социальные по форме и культурные по содержанию, или наоборот (что, в принципе, тоже возможно)?

– каково участие в этих взаимодействиях личности, организации, социальных институтов, сообщества и, может быть, даже общества в целом (скорее даже народа, если его рассматривать как эмпирически наблюдаемую целостность, а не статистическую или онтологическую абстракцию)? Собственно, суть вопроса касается именно механизмов и характера структурных соединений личности (в терминах Н. Лумана) с социальной системой при определенной центрированности коммуникативной или культурно-антропологической интерпретации изучаемых явлений, которые я разделяю.

Иконникова Наталия Кирилловна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Государственного университета - Высшая школа экономики. E-mail: n.k.ikonnikova@gmail.ru.

Можно сформулировать и другие положения, являющиеся отправными позициями для сомнений, но в данном случае попытаемся предложить схематичные ответы на уже поставленные.

Индивид в контексте конкретного общества и культуры воспринимает, интерпретирует и транслирует социальные нормы, правила, ценности, мифы, обычаи, традиции, которые создают общее символическое пространство смыслов как условие коммуникации. Они образуются как результат интеграции определенных социальных порядков, сначала основанных на привычках поведения, а затем все более внутренне жестких и замкнутых, в том числе с помощью государственного устройства и границ, экономических регуляторов национального рынка и внешней торговли, официального языка и культуры, нормативов образования, принятых форм повседневного поведения. Одновременно регламентируются и каналы общения с внешним миром и устанавливаются способы вхождения в складывающиеся системы отношений. Таким образом, подход к анализу социальных взаимодействий в терминах коммуникативных процессов позволяет избежать принятого до сих пор противопоставления социальных форм культурному содержанию (или наоборот). Представляется, что латентным содержанием являются именно смысловые структуры, которые далее могут функционировать и в символическом пространстве – как значимые социальные различия и структуризации, культурные маски и оценки, и в объективированном, «овеществленном» виде – как социальные группы и институты, артефакты культуры. Механизм трансформации смыслов в «социокультурно видимые» символы и объекты, на наш взгляд, описывает понятие «практика». Обращение к понятию практики означает (по крайней мере, обозначает как намерение) попытку выйти за рамки противопоставления системно-институционального и повседневно-бытийного анализа, практики рассматриваются не как нечто дополнительное к социальным структурам и институтам, а являются способом реинтерпретировать (реконструировать) институциональный и структурный анализ на мезо- и макросоциальном уровне, показать связь социальных норм с системами ценностей и смыслов, воспроизводимых в каждом социальном действии. В зависимости от субъекта практик, они могут быть индивидуальными и коллективными, в разной степени институционализированными (от привычек-габитусов и обычно-правовых норм до законных и формализованных (бюрократических) практик).

Подход к коммуникации как процессу, пронизывающему все виды социальной активности, принципиально отличается от социологии коммуникации, теории СМИ (журналистики) как особых институтов или практик. Скорее он предполагает социальную теорию коммуникации (в

которой традиционные для теории коммуникации семантические, лингвокультурные, социально-психологические, институционально-организационные проблемы ставятся в контексте социальных структур и взаимодействий). В центре внимания – трансформация типов (уровней) коммуникации и их взаимосвязь в контексте функционирования культур и сообществ как символически номинированных и нормативно организованных целостностей.

Социально-организационные и культурно-означающие аспекты социокультурных взаимодействий

На наш взгляд, необходимо различать *два параллельных процесса в социокультурной системе – социальный и культурный*, каждый из которых позволяет конвертировать некоторое *содержание* (соответственно, социальное или культурное) в разные типы *форм*. Эти формы являются, с одной стороны, способом культивации и социального присвоения ресурсов – физико-химических (позволяющих создавать предметную среду), биологических или организмических, включая свойства организма человека к активности разного рода, психофизиологических и т.п. С другой стороны, они оформляют, объективируют символическое по сути содержание социальных и культурных феноменов. Различение этих процессов присутствует в самих практиках как разные типы направленности деятельности, хотя и не отрефлектировано в полной мере.

Символическое (как «область высших смыслов» у Т. Парсонса) выступает другим (противопоставленным названным «материальным» ресурсам) полюсом напряжения, создавая особую «намагнитченную», измененную среду социальных и культурных процессов.

Любое социальное взаимодействие, сколь бы масштабным и формально-объективным оно не было на институциональном уровне (международные организации наций–государств, мировые и этнические церкви, почти столь же международные организации террористов, государственные институты и т.п.), это социальное взаимодействие основано на локальных социальных связях и обменах. Последние нельзя свести к межличностному, межиндивидуальному взаимодействию в данном контексте. Следует принять такой ракурс их рассмотрения, когда в поле зрения оказываются межперсональные связи людей на уровне сообщества (общины, поселения, коллектива), в которой индивиды выступают репрезентантами разных как локальных, так и более общих структур, институтов и т.п. При этом способы осуществления межперсональных связей и являются основой формирования институтов культуры, воспроизводящих сообщества как организованные целостности.

Идея «напряжения» как свойства социокультурной реальности разрабатывалась во многих работах по истории обществ и культур, фиксировавших в разных категориях (отражающих, отчасти, предпочтение видеть влияние того или другого «полюса») – от духовной (религиозной, экзистенциальной) напряженности до пассионарности, когда эту напряженность рассматривают как особое свойство социокультурной среды, обеспечивающее (благодаря напряжению) устойчивость и позитивную динамику сообщества.

Кстати, учитывая возможности преобладающего влияния того или другого полюса, можно построить классификацию способов социальной мобилизации как социальных форм и стоящих за ними нормативных систем и, далее, механизмов легитимации: от «мобилизационного развития» советского типа (когда «энергетическая составляющая» перераспределяется для легализации и закрепления норм в официальной идеологии, обедняя предметную среду культуры) до религиозной аскезы, легитимизирующей гражданскую активность и высвобождающую формотворчество комфортного мира культурных артефактов.

И социальный (точнее сказать социально-организационный), и культурный (культурно-означающий) процессы имеют как свои специфические формы, так и собственное содержание. Выделение социального содержания имеет как концептуальные, так и социально- (культурно-) критические основания. Если мы говорим, что социальное всегда лишь оформляет культурное, то тем самым подтверждаем позицию политиков и журналистов, рассматривающих «культуру как проблему». Что позволяет, с одной стороны, говорить об опасностях (много-) культурного развития, с другой – объяснять социальные проблемы исключительно глубинными и непреодолимыми культурными факторами. Одновременно из поля зрения выпадают социальные различия и рамки существования («оформления») культуры, хотя сегодня культуры гораздо больше различаются не по тем основаниям, которые всегда считались именно культурными – этническим, религиозным, локальным, – а скорее именно социальным: стратификационным, обуславливающим и реализацию вышеперечисленных.

Итак, культурное содержание составляют, согласно общепринятым концепциям, ценности, идеи, знания, верования и пр., основанные на них цели, оценки... С определенной долей условности можно сказать, что оно отвечает на вопрос «почему?», объясняя (по крайней мере, приводя аргументы, не обязательно рациональные) и оценивая.

Культурное содержание воплощается в культурных формах – знаках, артефактах культуры, включая и предметы повседневности, и предметы искусства. Это, безусловно, «что?» социокультурных практик.

Социальное содержание — это нормативно обусловленные образцы нормы, правила (в том числе законы, обычаи), паттерны отношений, габитусы...

Отнесение норм к именно социальному содержанию основывается на принятых в социологических теориях позициях. Приведем две из них. Т. Парсонс утверждает: «Нормы, в отличие от ценностей, являются преимущественно элементами социальной системы. Они имеют регулятивное значение для социальных процессов и отношений, но не воплощают «принципы» (т.е. ценности и цели в нашей интерпретации — *Н.И.*), применимые за рамками социальной организации... В более развитых обществах структурным фондом норм является правовая система»¹. Э. Гидденс основой структурирования социальных взаимодействий считает правила — «техники или обобщающие процедуры, применимые к действию или производству социальных практик», «упорядоченных в пространстве и во времени»².

Собственно, этот аспект социальных практик акцентирует и П. Бурдье, в концепции которого нормативность габитуса позволяет осуществлять первый из видов структурирования и дифференцируется им от собственно институциональных данностей. «В качестве порождающего принципа, сформировавшегося из упорядоченной импровизации, — пишет П. Бурдье, — габитус, практическое чувство, совершает реактивацию смысла, объективированного в институциях. Габитус формируется работой по внушению и присвоению, необходимой для того, чтобы эти продукты коллективной истории, являющиеся также объективными структурами, смогли воспроизвестись в форме устойчивых и отрегулированных диспозиций — условия своего функционирования»³. Это, — пишет он в другой работе, — «система схем производства практик», в отличие от «системы схем восприятия и оценивания практик»⁴, отнесенных нами к культурному содержанию.

Эти нормативные компоненты создают определенные наборы требований, обозначающие статусные позиции и в этом смысле идентичности действующих в социокультурных отношениях сил. («Юридическое лицо», образованное уставом, штатным расписанием и др. нормами яв-

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 511.

² Гидденс Э. Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 57, 41.

³ Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 111.

⁴ Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. С. 75.

ляется наглядным примером⁵, так же как и «гражданин государства», нормативно сконструированный удостоверяющими его личность документами и законами, включая конституцию, определяющие его позицию в социальном пространстве. Социальное содержание позиции «нелегального рабочего», при поверхностном правовом взгляде может быть и выглядит чем-то принципиально отличным, но также основывается на вполне принудительно действующих нормах («неформальных») и обычаях.) В этом смысле можно сказать, что социальное содержание отвечает на вопрос «кто?».

Формами существования социального содержания являются непосредственно наблюдаемые социальные агломерации – взаимодействующие группы и организации, устойчиво наблюдаемое коллективное поведение (обозначаемое обычно как институты). Широкое понимание социального института, выработанное социальной (культурной) антропологией, позволяет нам сказать, продолжая предыдущие рассуждения, что социальные формы отвечают на вопрос «как?». Они формируют социальные способы действия – именно как социальные (именно благодаря институту, названному К. Леви-Строссом «кухней», некоторые физико-химические и биологические техники, технологии, процессы становятся «приготовлением», «трапезой» и т.д.).

Социальное и культурное содержание, как и социальные и культурные формы тесно связаны между собой. В первом случае отношениями легитимации – легализации, во втором опосредования – производства. Очевидно, что ни один из компонентов не может существовать без всех других.

Эта категориальная схема может быть представлена далее в виде «натянутой паутины». Ее верхняя «точка крепления» – символическое, нижняя – вещественное. Соответственно, они «стянуты» и одновременно разделены между собой двумя осями:

1) культурная: символическое связано с культурным содержанием, которое, свою очередь оно – с культурными формами. Последние же опосредуют и являются способом присвоения сообществом «вещественного».

Через эти механизмы они смыкаются с принадлежащими следующей оси социальными формами. Итак:

⁵ См.: Чхиквадзе (Иконникова) Н.К. Нормативные структуры в современных российских организациях: границы принятого и правового поведения // Социальные проблемы общества. М.: Экслибрис-Пресс, 2005; Чхиквадзе (Иконникова) Н.К. Обозначения легального и обычного организационного поведения: опыт социально-антропологического анализа // Право в зеркале жизни. М., Издательский дом «Стратегия», 2006.

2) социальная ось: социальные формы, которые складываются и вкладываются в социальное содержание (как габитусы у П. Бурдьё в социальные институты), нормы которого через символичность оказываются, замыкая круг, связанными с ценностным содержанием культуры.

Большая часть процессов, связывающих культурные и социальные формы и содержание так или иначе обсуждаются в различных теориях. Легитимация и структурирование (как задание внутренней связанности, недоступной наблюдению в изолированной ситуации) связывают культурное и социальное содержание. При этом легитимация задает идеалы для выстраивания иерархии ценностных ориентаций, норм и установок в соответствии с ними (именно этим определяются предпочтения тех или иных законных и обычно-правовых норм и их действенность). Структурирование в данном случае осуществляет горизонтальное упорядочивание ценностных ориентаций, знаний, верований и пр. Процессы на другом «полюсе напряжения» меняются осями. Институты осуществляют актуализацию культурных форм во временной вертикали. (Это объясняет механизмы функционирования культурного наследия, памятников культуры в обществе⁶.) Культурные формы опредмечивают формы социальной деятельности, и это механизм порождения горизонтального многообразия культуры, столь хорошо описанный в исследованиях.

Социальные культуры и «внутренний город» индивида

Данный подход позволяет сконцентрировать внимание на том типе культурных различий, который основывается на культурной легитимации социально-структурных, социально-организационных дифференциаций (как «приращений» ценностей социальной объективацией). Для обозначения их предлагается понятие «*социальные культуры*» (возможно даже использование термина «классовые культуры») – иерархии ценностных, знаниевых и аффективных компонентов, задающие символические пределы социальных групп. Перевод обсуждения проблем различных сообществ (маркируемых как субкультуры) в термины «культурных различий» как наиболее важных их характеристик позволяет маскировать социальное неравенство, различия в доступе к символическому и другим видам капиталам. При этом происходит мифологизация культуры: она объявляется либо универсальным средством достижения взаимопонимания, создания целостности, чувства общности; либо наоборот

⁶ См.: Иконникова Н.К. Памятники культуры и их социальные функции // Актуальные проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1988.

источником всех бед, когда игнорируемые социальные проблемы, которые могли бы быть решены средствами социальной политики, объясняются коренными и непреодолимыми культурными различиями.

В процессах конструирования и воспроизводства социальных групп, сообществ наглядно проявляется с одной стороны, взаимосвязь, а с другой – автономность социальных и культурных средств коммуникации.

Социально-организационные аспекты взаимодействия задают нормативные, организационные, коллективные рамки восприятия и интерпретации культурных смыслов. Социальное происхождение, способ социализации, факторы стратификации мобильности, специфика социальной среды, усвоенные модели адаптации определяют отношение с культурному наследию, языковую компетентность, стили культурного потребления и участия, структуру знаний, профессиональную карьеру, ценностную и аффективную легитимацию практик.

С другой стороны, культурно-означающие аспекты канализируют активность и диспозиции членов сообщества. Жизненные цели, ценностные ориентации, способность к интимной/ эмоциональной коммуникации, повседневные и профессиональные навыки и знания, привычки и обычаи обуславливают характер занятости или предпринимательской деятельности, степень формальности в отношениях, тип институциональной интеграции, число партнеров по коммуникации (широту социальной коммуникации), определение социального статуса, юридическую легализацию социального положения.

Анализ социальных культур и их социальных и культурных механизмов, приведенных выше, может быть далее операционализирован при изучении различных сообществ, маркируемых повседневным сознанием по разным основаниям, скрывающим сложность процессов их конструирования и взаимодействия с социальной средой. Укажем, в частности, на такой «сильный пример», как религиозные сообщества (вайшнавизм, старообрядцы и др.), структурируемые по культурным основаниям, определяющим конкретные диспозиции и модели поведения их членов в разных структурных соединениях общества. Однако успешность, легальность, конфликтность и др. эффекты, возникающие как следствия этих структурных включений, определяют направления трансформации иерархии смыслов в каноническом ядре учения. Не менее информативным оказывается и анализ хозяйственных и организационных по видимому генезису мигрантских коллективов, когда формирующийся в результате социальной и политико-юридической адаптации опыт приводит к селективной трансляции и презентации ценностей культуры (в том числе, и религиозных), и одновременно выработке специфических форм социаль-

ной организации, включения в принимающее общество и поддержания отношений с обществом происхождения⁷.

Наряду с ролью сообществ в функционировании символического пространства как разделенного социальными культурами, следует учитывать и тенденции *индивидуации*, характерные для современных обществ. Индивид становится той базовой социальной структурой, которая «строит город внутри себя», конструирует индивидуализированный набор социальных ролей и культурных идентичностей, мультиплицируя и умножая их. Не «внутреннего человека», личностную целостность, а именно общество (а город – это модель общества, называемого современным) внутри себя. Эта идея не абсолютно нова в социологии. Все теории, так или иначе учитывавшие коммуникативные взаимодействия, обмены, фиксировали и роль индивида в этом процессе: коммуникация (общение) всегда может быть рассмотрена как атомарная структура межиндивидуальных контактов. Дж. Хоманс в этом связи отмечал, что «личностное и социальное не должны быть разделяемы. Поступки человека, которые мы рассматриваем как проявления его личности, не отличаются от тех его поступков, которые вместе с действиями других индивидов создают специальную систему. Это два идентичных ряда действий»⁸. Это дает индивиду как определенную свободу в присвоении, разделении (*share in*), номинации и т.д. ценностей и ресурсов, так и определяет его растущую социальную ответственность, степень включенности в социокультурные процессы. Мультиплицирование идентичности акцентирует ценности подлинности, искренности, эмпатичности, а их умножение требует поддержания социального доверия и публичности. П. Сорокин сформулировал это как «самую насущную потребность нашего времени»: человек должен быть способен «контролировать себя и свои желания», для устойчивости и безопасности социокультурной системы необходим инди-

⁷ См.: *Иконникова Н.К.* Коммуникативная модель описания социальных практик рабочих-мигрантов из Средней Азии в московском регионе // Социальная политика и социология. 2008. № 4 (40). С. 96-103; *Иконникова Н.К.* Религиозная самоидентификация и социальные капиталы сообществ в поликонфессиональном регионе (на материале эмпирического исследования в Республике Башкортостан) // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: Материалы международной конференции. Москва, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 13-16 сентября 2007 года / Под обд. ред. В.К. Егорова. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 473 – 476; *Иконникова Н., Мельникова А.* *Bazkińscy starowierycy jako mniejszońk kulturowa we w spyciesznej Rosji* (на польск. яз.) // “Status mniejszońciowy” i ambiwalencja toisamyci w spycieczestwach wielokulturowych / Pod red. J. Mucha, B. Pactwa. Tychy, 2008. С. 169 – 182.

⁸ *Хоманс Дж.* Возвращение к человеку // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996. С. 59.

вид, «с сочувствием относящийся к своим ближним, понимающий и ищущий вечные ценности культуры и общества, глубоко осознающий свою личную ответственность в мире»⁹.

Рассматривая коммуникацию (общение) как символический обмен, присущий в той или иной мере любым социальным взаимодействиям, можно увидеть общую тенденцию в стремлении найти, выделить и технологизировать культурные — и, более того, *эмоциональные, доверительные — компоненты* во взаимодействиях в организациях, политических практиках, экономических отношениях. Тем самым фиксируется, что во взаимодействии большое значение имеют чувства, ощущения (лишь отчасти передаваемые терминами эмпатия, интуиция) участников диалога, в том числе и чувство понимания — понимания, возможно, не полного, дорефлективного, не внятно артикулируемого, но рождающего убежденность в наличии диалога как такового. В этом случае «социальная реальность предстает межиндивидуальной (межличностной) реальностью, в которой существует сеть связей, привязанностей, зависимостей, обменов, отношений личной преданности»¹⁰. Такой ракурс анализа ставит новые вопросы. Является ли рефлексивное понимание всегда необходимым как более высокая степень понимания? Может ли общество, верное культуре (как живому творчеству и наследованию), а не формальной рациональности и техничности цивилизации, мы напрасно мучаемся, пытаясь вместо общности, основанной на неосознанных, эмоциональных, личных, хотя и ранжированных отношениях, создать безликое (и может быть бездуховное), зато на основе научных знаний хорошо манипулируемое общество сознательных, рациональных, прагматичных граждан?

В данном контексте мы говорим о *социальных чувствах*. Данная категория необходима для описания особого значимого опыта членов культуры, связанного с переживанием социальных ситуаций, восприятий и самовосприятия. Социальные чувства переживаются индивидуально, хотя сформированы культурой и отражают специфику и динамику социальных связей, в которые включен человек. Ф. Теннис подчеркивал, что «эмоции, хотя иногда их называют инстинктами, принимая за нечто недочеловеческое; на самом деле, они часто связаны с высшими, благородными, специфическими для человека чувствами, а нередко и происходят из таких чувств, а, следовательно, из всего того, что мы думаем и знаем»¹¹.

⁹ Сорокин П. Кризис нашего времени // Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 727.

¹⁰ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 29.

¹¹ См.: Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал, 1998, № 3-4. С. 207-227.

Насколько бесспорна традиция западной культуры, противопоставляющая разум и чувства, причем отдающая безусловное преимущество разумным, рациональным началам культуры? И действительно ли так рационален человек западной, современной культуры? Он точно отдает себе отчет в целях, к которым стремиться, он может привести аргументы и объяснить значимость ценностей, которые разделяет, он выбирает наилучшие средства достижения целей, позволяющие добиться максимального результата с наименьшими затратами? Или ему кажется и верится, что он таков? Или на самом деле, чем меньше он задумывается и руководствуется разнообразными теориями, тем большего он добивается?

Значение, приписываемое эмоционально-доверительным в противовес формально-рациональным аспектам коммуникации свидетельствует о достижении обществом новой ступени структурирования, соотношения формализованности-манипулятивности и, с другой стороны, личностности-творческой. Трансформация смыслов в социальные нормы и институциональные отношения и ценности культуры уже не является автоматической, этот процесс осознается как проблематичный и требующий «конструирования», т.е. с одной стороны, рефлексии и манипулирования, а, с другой — (в терминах М. Вебера) «призвания и страсти».

Итак, обращение к социальной теории коммуникации позволяет показать механизм влияния на социальные взаимодействия их значимого ценностного содержания и организационных форм структурирования сообществ. При этом возможно различение социальных и культурных аспектов взаимодействия и учет их взаимовлияний при анализе широкого круга социальных феноменов, от религиозных сообществ до мигрантских бригад. Важным моментом является признание того, что культурные «маски» присваиваются как часть социальной стратификации, обозначая различия, но дезориентируя участников взаимодействия по поводу природы этих различий.

Мы не считаем, что смогли дать исчерпывающие ответы на поставленные в начале статьи вопросы и даже предложить однозначно интерпретируемые схемы, обозначающие направления поиска этих ответов. Однако дальнейшее размышление по поводу намеченных сюжетов, как представляется, может быть плодотворно.